

Борис Толчинский

НАСЛЕДНИКИ РИМА

Путь Империи. РАСЦВЕТ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ВОСКРЕСШИЕ И МСТЯЩИЕ

КНИГА ЯНУСА

Роман из цикла

БОЖЕСТВЕННЫЙ МИР

Москва
Т8 RUGRAM
2020

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т54

Толчинский, Б.А.

Т54 Воскресшие и мстящие / Б.А. Толчинский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 452 с. — (Божественный мир).

ISBN 978-5-521-74175-5

«Божественный мир» — цикл остросюжетных романов от учёного-политолога, писателя и публициста. Наследники Рима, Египта и Греции вновь правят миром в многослойной альтернативной реальности, где дух античности сочетается с высочайшими технологиями. Изощёренные политические интриги и многоходовки. Жёсткая психологическая драма о власти, любви и свободе, о том, чем приходится за них платить.

Аватарианство, новая имперская религия, пришедшая на смену древнему язычеству и христианству, жёстко утверждает гендерное равенство и при этом насаждает неравенство культур, требует от «варваров» покорности. Но все ли из них готовы покориться? И всякая ли битва за свободу на самом деле приближает к ней?

Третий роман цикла.

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74175-5

© Толчинский Б.А., 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ

Таинственное происшествие способствует побегу мятежного Варга из темницы на имперском крейсере, а политическая борьба внутри самой Империи даёт ему новый шанс. Корнелий Марцеллин, пылающий неразделённой страстью к Софии Юстине, в то же время исполнен решимости вырвать власть из рук своей племянницы. Он раскрывает жестокие тайны Нарбоннской войны и обвиняет Софию в позорных неудачах кампании; София же, с присущей ей изобретательностью, отбивает его атаки. Одновременно она помогает скрываться Варгу — ведь смертельную охоту за ним ведёт сам легат Марсий Милиссин. Чтобы спасти Варга от гибели и защитить своего любимого Марсия от ревности Корнелия, развести их всех и укрепить свою власть, она проводит одну искусную интригу за другой.

Но положение Софии становится шатким, когда её престарелый отец, первый министр, за которого она правит, всё-таки решается уйти в отставку. Сама же София по возрасту пока не может претендовать на место первого министра. Кесаревич Эмилий Даласин, её кузен и друг, глубоко порядочный, но наивный человек, убеждает Софию уступить власть. Он не понимает всю меру ответственности, которую возложила на себя эта женщина.

В поисках поддержки София спешит в Мемнон, Священный Город аморийцев, к самым риши, таинственным хранителям Империи; когда-то риши пробудили в ней способности ментата — но зачем?.. Софию ждёт коварная ловушка: риши отказывают ей в поддержке, а путь назад, в Темисию, имперскую столицу, преграждает ураган.

Тем временем Корнелий Марцеллин не дремлет. Он похищает у Софии власть. Скоро эта власть станет необратимой, и ничто уже не помешает Корнелию сделаться полновластным правителем Империи. «Боги не делают сильными, боги выбирают сильных!», — вспоминает София завет риши и бросается навстречу урагану. Её сила духа, её вера в себя, её умения ментата побеждают слепую стихию. Софии удаётся успеть вовремя

и помешать Корнелию. Но она пока не знает, что его истинная цель — не власть, а женщина, которую он создал и боготворит...

София восхищается Корнелием как политиком, как обаятельным негодяем, но не как мужчиной. Любимый же мужчина, Марсий, её отчаянной борьбы за власть не понимает и не принимает. Но она не может сдаться и уйти! Тем временем Корнелий, шурин Марсия, виртуозно играя на его чувствах и страхах, отвращает Марсия от Софии.

Рассудив, что власть для Софии важнее любви, Марсий покидает её. Зато Корнелий сам предлагает ей власть — но только вместе с собой... Чтобы отстоять свою власть, София рисковала жизнью — но поступит ли она ради власти своей княжеской честью, сможет ли отдаться мужчине, который ей противен как мужчина? Она находит третий выход: София побеждает самое себя, и теперь очарованный ею Корнелий готов добровольно, безо всяких условий, уступить ей место первого министра. Но эта власть Софии не нужна уже, она бросается вслед за любимым Марсием. Она уверена, что сумеет вернуть его и найти вместе с ним своё счастье. Идя навстречу новым испытаниям, она снова и снова вспоминает завет мудрых риши: боги не делают людей сильными — боги выбирают сильных.

Еретики Ульпины полны решимости сделать из герцога Варга послушное орудие своей мести великой и непобедимой Аморийской империи. Могущественный правитель Империи князь Корнелий Марцеллин намерен жестоко расправиться с мятежными галлами. Сумеет ли отчаянный Нарбоннский вепрь отстоять и свободу, и честь, и любовь?

Помочь молодому варвару в этой неравной схватке способна лишь прекрасная и хитроумная княгиня София Юстина, но ведь она по-прежнему надеется вернуть себе власть над Империей! Она не знает, что отныне над мятежным Варгом довлеют живые тени ненависти — **воскресшие и мстящие.**

ПРОЛОГ

*Новогодняя ночь на 1 января 148-го
Года Симплициссимуса (1787),
где-то в Северной Германии*

Никто, кроме забытых гениев, не понимал, что это происходит наяву. И никто бы ни поверил — ни те двое, кому вскоре предстоит уйти к богам, ни остальные жертвы двоих забытых гениев. Не поверили бы сами многомудрые ментаты Мемнона, священной столицы Аморийской империи. Ибо ментаты, которые непросвещённому взгляду кажутся настоящими волшебниками, на самом деле люди, подобные нам, но сумевшие открыть для себя некоторые тайны души и разума.

Кем были на самом деле эти забытые гении, адепты свободы, пленники любви и ненависти, затруднились бы сказать даже мудрейшие из отшельников Мемнона.

Густые, неумолимые тучи стесняли мирный свод небес; колкие снежинки, эти замёрзшие слезы неба, изливались из беспросветных туч, одевая саваном сумрачный лес; ледяной ветер завывал меж дремучих елей, свистел у опасных камней, огромных, зловещих, разбросанных посреди леса какими-то самоуверенными строителями в некоей великой, безвозвратно утерянной древности. Ни искры света не могло родиться в этой стылой томящей ночи. Только мрак, ветер, мёртвый снег — и холод, ужасающий холод, который даже и мощных волков, истинных хозяев леса, заставляет этой лютой ночью прятаться в тёмные норы.

В такую новогоднюю ночь обязательно должно было что-то случиться. Что-то неприметное посреди захватившего землю мрака, но неизмеримо важное. И оно происходило, не могло не происходить!

Посреди развалин древнего поселения, в чудом сохранившемся доме-мегалите, пылал огонь, и было жарко, словно кипящая река протекала через этот чертог. Коренастый мужчина, видом утрюмый карлик, какими обычно пугают детей, в здоровенных кожаных сапогах, доходящих ему едва ли не до

пояса, в буром кафтане, наверное, никогда не стиранном, с рас­трёпанными чёрными космами и длиннющей рыжей бородой, с кривым ножом за поясом, — так вот, сей живописный карлик сновал меж многочисленных очагов, то и дело подбрасывая в пламя вязанки хвороста, поленья, древесный уголь, да ещё странные предметы подозрительного вида, которые, впрочем, горели намного лучше хвороста и угля.

А в центре чертога, у чёрного, рассечённого надвое камня, — кто-то из опытных, но случайно забредших сюда читателей книг сказочного жанра наверняка подумает, что это алтарь тёмного бога, — стоял человек весьма впечатляющей наруж­ности. Облачение его составляла длинная, до ступней, рубаха пепельного цвета. На поясе рубаху схватывала верёвка, витая из девичьих волос, когда-то бывших золотыми; повсюду этот необычный ремень украшали бляхи с ликами чудовищ и чере­пами существ, находящихся в отдалённом родстве с людьми. Крупное лицо этого господина сплошь состояло из морщин, как перепаханное поле из борозд. Глаза были отчётливо ры­жего оттенка — или это только казалось в свете огнищ. Ресниц вроде не было вовсе, зато выше кустились сросшиеся чёрные брови. И волос было много, они упрямо лезли в лицо, преодо­левая преграду в виде простого металлического обруча. Впро­чем, нет, обруч не был простым: спереди его украшала гемма с изображением свирепо глядящего мужа, бородатого и одно­глазого; всякий язычник с Севера, будь то скандинав, германец или галл, без труда узнал бы в бородаче Вотана, или Одина, знатнейшего среди богов, владыку Вальхаллы.

Для полноты картины опытному читателю книг сказочного жанра не хватает только чёрного ножа, желательного из обсиди­ана или иного редкого материала, ещё жертвы, прекрасной де­вушки на алтаре, над которой как раз и заносится нож, а также героя, который вот-вот, в последний миг, ворвётся в логово злодея-чернокнижника, поразит его самого и присного кар­лика, затем освободит свою пассивность из чародейских пут; способ, каковым геройствующий персонаж пробьётся к логову, не столь уж важен — в конце концов, чтоб не замёрзнуть по пути, герою достаточно явиться из какого-то иного измерения, где,

очевидно, климат более благоприятствует героическим подвигам.

Увы, всё было тут куда как прозаичнее: колдун у алтаря нож не держал в руке, не заносил его над алтарём, и девушки на алтаре на самом деле не было, как и злодейских мыслей в голове у колдуна. А сам он не был колдуном, хотя любил казаться. Стоял он перед этим чёрным камнем и шептал молитву. Само собой, героя он не ждал, поскольку просто не было проблем для настоящего героя; тот же, кого тут очень ждали, никак не проявлял себя. А карлик знай себе подбрасывал дрова в огнища, да озабоченно поглядывал в сторону хозяина.

Вдруг чародей воздел обе ладони и яростно воскликнул:

— Явись, о Дух Великий, приди ко мне, ничтожному слуге, даруй мне свою силу!

Вскричав такое, коленопреклонённый чернокнижник затворил глаза и принялся бормотать слова, понятные ему одному.

Карлик вполоборота посмотрел на господина, сумрачно вздохнул, в который уже раз сплюнул через правое плечо и подкинул в пламя очередной горячий предмет.

Ещё некоторое время прошло, и чародей снова подал голос. Слова были другие, но смысл не отличался: очевидно, волшебнику никак не удавалось добиться от Духа Великого взаимности, хотя он неумоимо подступался к Духу со всех сторон, где только тот мог обретаться.

Однако и в этот раз никто не откликнулся. Колдун опять пустился в бормотания, а карлик знай себе подпитывал огнища, но с убывающей охотой.

Этот безнадёжный ритуал повторялся в новогоднюю ночь уже много-много лет; сколько точно, ни карлик, ни его господин не знали, не считали.

Колдун ещё что-то бормотал, а карлик, потерявший всякую надежду, устало бродил по периметру чертога, когда в вышине, как раз над алтарём, возникла смутная тень, некое таинственное тёмное сгущение воздуха, отдалённо напоминающее си-

луэт человека. Было оно невелико, неприметно, и находящиеся внизу его не замечали, пока колдун в очередной раз не вскинул руки, чтобы выкрикнуть своё призывание.

Слова замерли на его языке — колдун, отрывши рот, молча взирал на это облако. Карлик проследил за взглядом господина и ничего не увидел. Беззвучно выругавшись, карлик отвернулся.

— Что попусту глазеешь? — услышал между тем волшебник. — Если тебе нечего сказать, пожалуй, я вернусь обратно, туда, откуда прибыл.

Колдун испуганно моргнул и обвёл взглядом чертог. Было очевидно, что никто, помимо тени, эти слова сказать не мог — карлик был нем от рождения.

Собравшись с силами, колдун вновь посмотрел на тень и спросил:

— Кто говорит со мной?

— Кого ты призывал, тот говорит с тобой, — ответила она.

Гримаса не то радости, не то страха, не то отчаяния перекосила лицо колдуна.

— Ты Дух Великий?

— Я. Он самый, — отозвалась тень. — Ты верно мне служил, и вот решил я даровать тебе награду. Вернее, мне прискучило внимать твоим мольбам.

Голос у тени был более чем странным: не мужской и не женский, не высокий и не низкий, ни чистый и не шипящий — словно камень, металл или воздух изрекали человеческие слова. Голос звучал не только сверху, но и снизу, со всех сторон; отражаясь от стен, он вибрировал, усиливая сам себя — и затихал, как эхо в горах.

Для колдуна это было хорошим доказательством, что Дух Великий в самом деле посетил его. И всё же он, для верности, спросил:

— А чем докажешь, что ты Дух?

— Тем докажу, что вмиг исчезну, словно и не было меня, а ты останешься стенать и будешь этим заниматься, пока горбатая не заберёт тебя в страну таких же мелких недоумков, — сварливо отозвался голос.

Не на шутку испугавшись, колдун молитвенно сложил руки и воскликнул:

— Прости меня, ничтожного, Великий Дух, я грешен пред тобой!

— Все грешны предо мной, — холодно молвил голос, — и что теперь? Я должен к каждому из вас являться, дабы отпускать грехи? Ты, что же, полагаешь, у нас, великих духов, иной заботы нет?

— У вас? — изумился колдун. — Я думал... мне казалось, ты один, Дух Великий, Вечный, Всемогуший!

— Уймись. Один я, именно такой, как ты сказал. Ещё я самый мудрый: сей ипостасью я к тебе явился; а прочий я другими занят. Пожалуй, нечего мне делать больше у тебя: никчёмный разговор мне, Духу, неугоден.

— Постой, мудрейший среди мудрых! — отчаянно воскликнул человек. — Я ждал тебя полную тысячу лет!

— Ещё и лжец вдобавок, — брезгливо посетовал голос. — Ты думаешь, назвался колдуном и коротышку в слуги заимел, оделся, как колдун, живёшь убогой жизнью — и ты достоин моих благ? Смешно мне на тебя глядеть. Тебе бы в цирке выступать, хотя бы добрый люд потешил.

Чернокнижник залился краской и не нашёлся, что ответить.

— Обидно мне одно, — сказал вдруг голос, — что ум твой равен колдовскому мастерству. А я, как Дух, мудрейший среди мудрых, в ваш мир напрасно не являюсь. Тут надо нечто совершить — иначе больно делается мне за миг, бесцельно проведённый. Заметь: мучительно больно! Поэтому обычно я либо награждаю, либо караю. Поскольку ты не просишь у меня наград, придётся мне тебя убить.

Рыжебородый карлик с изумлением смотрел, как его господин заламывает руки и посиневшими губами — карлик, подобно многим глухонемым, умел понимать по губам — восклицает:

— Пощади, Великий Дух, и награди меня!

«Рехнулся наконец, проклятый, — подумал карлик. — Как только потеплеет, сбегу отседова. Дай, светлый Вотан, добрых людей: пригреют, обласкают, а может, кто шутком возьмёт или